Оригинальная статья / Original article
УДК 316.442

Информационный капитал и цифровое неравенство

© В.В. Кривошеев
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Аннотация: Статья посвящена одной из актуальных проблем современного общества – наличию развитого информационного капитала и существующего особого вида неравенства – цифрового. Определена роль информационного капитала в эпоху становления и развития электронной культуры, которая, являясь неким дополнением к книжной культуре, представляется доминирующей, определяющей все процессы, происходящие в социуме. В статье отмечается, что существует два вида информационного капитала – индивидуальный и общественный, и что информационное неравенство было свойственно любому обществу на всех стадиях его развития. Но наиболее зримо оно проявляется сейчас, когда господствует электронная культура, ускорились все социальные процессы, когда речь идет о цифровой экономике, онлайн-образовании. В свою очередь цифровое неравенство реализуется как на межпоколенном уровне, что представляется вполне естественным, так и между странами. Его преодоление, или по крайней мере, сведение к приемлемому уровню, с точки зрения автора, необходимо для обеспечения устойчивого развития, понижения противостояния в современном мире. Подчеркивается, что цифровое неравенство усугубляет все остальные его формы, приводит к стагнации в развитии многих регионов мира, не позволяет осуществить переход к постиндустриальной цивилизации. Особо автор останавливается на проявлении цифрового неравенства в ходе пандемии COVID-19.

Ключевые слова: электронная культура, информационный капитал, цифровое неравенство, виды цифрового неравенства, устойчивое развитие

Информация о статье: поступила в редакцию 01 августа 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 31 августа 2020 г.; принята к публикации 10 сентября 2020 г.

Для цитирования: Кривошеев В.В. Информационный капитал и цифровое неравенство // *Социальная компетентность.* 2020. Т. 5. № 3. С. 389–397.

Information capital and digital inequality

Vladimir V. Krivosheev
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract: One of the pressing problems facing modern society is developed information capital and a special type of inequality – digital one. The article shows the role of information capital in the era of formation and development of electronic culture. The article specifies the role of information capital in the era of the formation and development of electronic culture, which being a kind of addition to the book culture seems to be dominant, determining all the processes taking place in society. The author shows that there are two types of information capital: individual information capital and public information capital. Information inequality was inherent to any society at all stages of its development, but it is manifested most clearly now when electronic culture dominates, all social processes have accelerated when it comes to the digital economy, online education. Digital inequality is manifested at the intergenerational level, which seems natural, as well as between countries. In the author's opinion, to overcome such inequality or at least to reduce it to an acceptable level is necessary to ensure sustainable development and mitigate the confrontation in the modern world. It is emphasized that digital inequality deepens all other its forms, leads to stagnation in the development of many regions of the world, and does not allow a transition to post-industrial civilization. The author focuses specifically on manifestation of digital inequality during COVID-19 pandemic.

Keywords: e-culture, information capital, digital inequality, types of digital inequality, sustainable development

Article info: received August 01, 2020; revised August 31, 2020; accepted September 10, 2020.

For citation: Krivosheev V.V. (2020) Information capital and digital inequality. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence.* Vol. 5. No. 3. Pp. 389–397. (In Russ.)

Введение

По нашему убеждению, к настоящему времени вполне достаточно оснований, чтобы не просто фиксировать наличие, а отмечать доминирование, тотальное распространение электронной культуры. Появление и

распространение принципиально иных носителей информации, а также все более новых способов ее освоения, передачи, копирования делают культуру качественно иной, наполняют другим содержанием. К этому можно добавить, что изменилось и восприятие человеком информации. Современный индивид все в большей мере становится визуалистом. Люди все чаще не только обращаются к информации в ее электронной форме, но и смотрят на происходящие события, применяя электронные устройства. Любое происшествие они сейчас же предпочитают записывать и тут же передавать другим пользователям социальных сетей. Многие из них не выпускают из рук гаджеты, порой используют сетевые мобильные приложения даже при встречи друг с другом (Busko, 2009). Способность же к глубинному и содержательному общению при этом снижается: «Когда коммуникативные обмены переформатируются под формат небольшого экрана и сводятся к эмоциональной стенографии смайликов, это приводит к неизбежным упрощениям коммуникации» (Turkle, 2011).

Именно поэтому мы и считаем, что электронная культура – это сущностная черта современного социума, она пронизывает все содержание нашей жизни, видоизменяя ее. В социальной жизни она породила то, что мы назвали «короткими жизненными проектами». Короткие жизненные проекты – это рассчитанность людьми своих планов, видение ими перспектив (социальных, экономических, духовных, семейных) на крайне непродолжительное время (Кривошеев, 2009. С. 57–67). Но их сущность не только в этом. Сегодня одна из главных поведенческих особенностей человека состоит в том, чтобы как можно быстрее загрузить какой-либо контент в социальную сеть и столь же быстро получить одобрительные знаки. При этом не важно, в чем он заключается, действительно ли это важная информация или просто фотография, постановочный снимок, видео.

В силу того, что электронная культура стала доминирующей, она модифицировала социум, его структуру, предопределила появление своеобразного электронного общества, в котором связи, взаимодействия, отношения индивидов и групп реализуются на новых основаниях. Электронная культура не породила новый вид социального капитала – информационный, но сделала его едва ли не ключевым. Как и ко всем остальным видам капитала, включая финансовый, доступ к информационному не является равным. Именно поэтому электронная культура и повлекла за собой новую форму неравенства – цифрового. В полной мере это проявилось и в ходе пандемии коронавируса, когда крайне востребованными оказались не только навыки работы в виртуальной среде, но и сам доступ к Интернету, наличие необходимого оборудования. Всестороннее изучение этой новой формы неравенства представляется весьма актуальным.

Методы

В качестве методов, которые использовались в данной работе, нами применялся вторичный анализ социологической информации, данные, содержащиеся в интервью работников аппарата государственных органов, а также своеобразное включенное наблюдение, при котором автор, являясь преподавателем высшего учебного заведения, смог оценить готовность обучающихся к работе в онлайн-режиме.

Основные результаты

Одной из форм капитала, говоря языком П. Бурдьё (Бурдьё, 2002), которая все больше становится доминирующей в современном мире, становится, по нашему мнению, информационный капитал. При этом под данным понятием мы понимаем несколько иное, чем другие авторы. Например, Г.В. Астратова и её соавторы считают, что информационный капитал – это информационные системы, технологии, инфраструктура, система управления ИТ-ресурсами, необходимыми для реализации определенной стратегии. Иными словами, в таком понимании информационный капитал есть нечто овеществленное, в значительной мере сугубо материальное, а значит и достаточно легко измеряемое в экономических категориях (Астратова, Бурнашева, Шуплецова, 2020).

Иногда делаются выводы, что информационный капитал можно рассматривать как

вид интеллектуального капитала. На наш взгляд, это несколько ограничивает представление о существе дела. И именно потому, что не позволяет включать в информационный капитал такие слагаемые как установки, ценностные предпочтения, волевые усилия, которые не могут в полной мере рассматриваться как сугубо интеллектуальные, рациональные. Тем более, что некоторые исследователи видят в условиях формирования нового технологического уклада роль информационного капитала лишь с чисто экономической точки зрения. Поскольку, как считается, он охватывает все сферы общественного производства и влияет в силу этого на динамику социально-экономического развития. По мнению С.Г. Михневой, например, формируются «информациональные» сферы деятельности, основанные на применении наукоёмких технологий (Михнева, 2003), что является проявлением новой формы отношений в цифровой экономике.

В нашем понимании информационный капитал в большей мере является частью, элементом капитала социального и выражается в определенных знаниях, навыках, опыте, установках индивида или некоторой социальной группы. Разумеется, мы не отвергаем всецело и материальное наполнение этой формы капитала, о чем еще будет сказано. И все же наличие компьютеров, гаджитов, какой угодно соответствующей инфраструктуры еще не означает, что это действует, приносит доход или просто некоторую пользу. Все это останется не более чем предметами, пусть даже очень современными, до того времени пока индивид, наделенный знаниями, компетенциями, даже в известной мере фантазией, не обеспечит функционирование всех этих объектов. Как и любой иной вид имеющегося ресурса, информационный капитал лишь тогда дает результат, когда он задействован, в данном случае – включен в связи, зависимости, приносит не только некий доход, но и удовлетворение от достигнутого, связанное уже не с сугубо материальной стороной его использования.

При этом в информационном капитале мы выделяем два вида – индивидуальный и общественный. Первый – это владение индивидом знаниями и навыками нахождения в электронном обществе. Это умение, желание использовать информационный контент для всех видов деятельности: профессиональной, образовательной, досуговой. При этом индивидуальный информационный капитал, по нашему мнению, может быть профессиональным, допрофессиональным и массовым. Профессиональный индивидуальный информационный капитал принадлежит тем индивидам, которые создают программное обеспечение, разные виды приложений, защиты от незаконного вмешательства в деятельность социальных сетей и т. д. Допрофессиональный индивидуальный информационный капитал, как нам представляется, является своеобразной собственностью преподавателей, экспертов, которые в состоянии обучить остальных людей не только элементарным навыкам работы с компьютерами, но и помочь в овладении более или менее полными знаниями о работе в социальных сетях, электронной почте, в создании личных кабинетов и т. п. Как известно, во многих странах, включая Россию, были созданы специальные учебные центры для работы с пожилыми людьми, в которых и проходило обучение[1].

Массовый индивидуальный информационный капитал, по-другому мы можем назвать его пользовательским, принадлежит всем тем индивидам, которые повседневно и по несколько часов использует все возможности современных гаджетов, персональных компьютеров для получения и обработки самой разнообразной информации, виртуального общения, проведения досуга, как правила, в форме электронных игр.

Общественный информационный капитал – это наличие в обществе не только материальных основ для развития электронной культуры, т. е. соответствующие научные и производственные комплексы, которые обеспечивают создание, накопление и применение соответствующих знаний, технологий, материальных носителей, дающих обществу конкурентные преимущества по отношению к другим социумам, определяющие его положение в современную постиндустриальную

[1]Университеты третьего возраста в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: https://верити.рф/gerontologiya (дата обращения 09.06.2020).

эпоху. Понятно, что индивидуальный и общественный информационный капиталы сопряжены. Но раскрытие этих связей и зависимостей между ними не входит в данном случае в нашу задачу, мы просто фиксируем их безусловное наличие.

Как и любой другой капитал, что уже отмечалось нами, информационный порождает неравенство. По нашему мнению, во-первых, оно может характеризоваться тем, что мы называем возрастным или межпоколенным. Иными словами, это означает, что люди разных поколений далеко не одинаково осваивают цифровое пространство. А это в свою очередь порождает и неравенство в возможностях доступа к различным ресурсам, находящимся в этом пространстве. Такое неравенство, на наш взгляд, выглядит как объективная, т. е. трудно преодолимая его форма. Нельзя забывать, что и в эпоху печатной, книжной культуры также было поколенческое неравенство: в самом раннем возрасте люди не имели возможности приобщиться к чтению книг и других источников печатной информации в силу того, что просто еще не освоили данные навыки. В настоящее время ситуация выглядит зеркальной. Представители более старших возрастных групп в цифровом отношении могут казаться менее грамотными или совсем неграмотными в сравнении с молодыми людьми. И вот что еще примечательно. Если прежде, в эпоху доэлектронной культуры подрастающее поколение получало знания и навыки, в том числе и приобщение к разнообразной информации, как говорится, к печатному слову, от поколения старшего, то в настоящее время наблюдается обратная картина. А именно представители старшего поколения очень часто, причем не только в бытовой, домашней обстановке, учатся обращению с цифровыми носителями информации у молодых людей, обращаются к ним за консультациями.

Во-вторых, существование цифрового неравенства можно зафиксировать между различными обществами, регионами планеты. Это уже не межпоколенное неравенство, а межстрановое неравенство (Лактионов, 2004). В информационную эпоху развитые страны экспортируют свою научную продукцию: патенты, технологии, сложные технические устройства, для производства которых требуются все меньшие объемы сырья и материалов, традиционно поставляемых «третьим миром». Напротив, периферийные в технологическом отношении страны экспортируют (и это прекрасно доказывает пример даже относительно развитых стран, таких как многие государства Юго-Восточной Азии), именно сырье или товары массового промышленного производства. Таким образом, единожды затратив усилия на производство информации, ее носителей постиндустриальные страны могут реализовывать все это в каких угодно объемах, тогда как индустриальные вынуждены тратить пропорциональное количество материалов и труда для производства каждой новой единицы своей продукции. При этом развитые страны (примером чему могут служить США и страны Европейского союза) обладают гораздо большей производительностью не только в информационном, но также в индустриальном и даже аграрном секторе и, как показывает практика, постепенно «замыкаются» в своих внешнеторговых операциях. И именно потому, что первенствуют в информационных технологиях. Развивающиеся страны в складывающейся ситуации просто не в состоянии не только диктовать, но и предлагать странам «золотого миллиарда» свои условия торгового обмена. Запад же реализует свои информационные товары и технологии, даже особо не принуждая кого-либо к их приобретению (Лактионов, 2004). Страны-лидеры на рынках информационно-коммуникационных технологий совершенно сознательно пытаются закрепить свое стойкое превосходство в этом сегменте. Вероятно, еще и поэтому фиксируется столь мощная негативная реакция, направленная против китайской компании Huawei. Американские корпорации с трудом воспринимают появление такого мощного конкурента. В этом смысле можно согласиться с той точкой зрения, что цифровая дифференциация вредит не только развивающимся, но и развитым странам (Chen, Wellman, 2004). Делается это потому, что монопольное положение какой-либо структуры часто приводит к застою в творческом стремлении двигаться вперед. И напротив, наличие деятельного и креативного конку-

рента может способствовать развитию объекта.

А цифровое неравенство в современных условиях как раз и находит свое выражение в монопольных тенденциях на информационном пространстве. Производство информационных продуктов – основа эффективного влияния на все происходящее. Данный факт в сочетании с сетевыми внешними эффектами служит основой формирования монополии в информационном пространстве (Стрелец, 2003. С. 144). Западная экономическая мысль давно подтверждает такое мнение, что формирование монопольных тенденций на данном рынке обусловлено эффектом масштаба как со стороны предложения, так и со стороны спроса (Shapiro, Varian, 1999). В качестве примера приводят компанию «Google», которая является лидером на рынке поисковых запросов, занимая 80 % соответствующего рынка. А вот интенсивно растущая китайская компания «Lenovo» занимает первое место в мире по производству персональных компьютеров с долей в середине 2010-х годов в 16,9 % (Калустьян, 2014. С. 126–127). В последней четверти XX в. в развитых странах возникла информационно-финансовая олигархия, практически контролирующая более 90 % информационных и финансовых потоков планеты (Лактионов, 2004).

В-третьих, можно зафиксировать наличие неравенства коммуникационных ориентиров. Речь идет о том, что очень многие индивиды постоянно живут только в виртуальном мире. Отсюда следует, что в современном обществе вполне уместно, с нашей точки зрения, выявить наличие своеобразных двух обществ: одно телевизора, а другое Интернета. Те, кто находится во втором обществе, а это в значительно большей мере молодежь и подростки, изначально, с самого раннего возраста имеют больше стремления, установок, навыков передавать и получать информацию от других пользователей через социальные сети, читать Интернет- издания. Этого не скажешь о представителях общества телевизора, людях старших возрастных групп. Им приходиться осваивать все эти информационные ресурсы уже в зрелом возрасте. Как видим, эта ситуация тесно связана с межпоколенным информационным неравенством. Понятно, что эти два вида общества взаимопроникаемы: люди общества телевизора могут достаточно интенсивно трудиться и часто работают в Интернете, пользуясь его возможностями не только как средства общения, но и получения различных услуг. Верно и обратное, молодые люди могут, что называется, заглянуть в телевизор. И все же речь в данном случае идет не о взаимопроникновении этих двух сообществ, а о том, что именно доминирует в получении человеком информации, в проведении досуга, деятельностного и иного общения. Вопрос в том, сосредоточивается ли человек в основном на просмотре телевизионных программ или на Интернет-контенте.

В целом мы можем констатировать, что существуют две точки зрения на существование цифрового неравенства. Согласно одной, оно реально, и необходим комплекс мер по его сокращению. Всемирный Банк признает цифровое неравенство как фактически существующее. В годовом отчете банка за 2019 год фиксируется, например, что приблизительно 4 млрд человек все еще лишены доступа к широкополосному Интернету, в наименее развитых странах этот доступ есть лишь у каждого седьмого человека[2].

Этот цифровой разрыв может привести к усилению существующего неравенства и усугубить отставание некоторых регионов. Часть авторов придерживается мнения о свершившемся факте уже якобы преодоленного цифрового неравенства (Global digital, 2015). Наша точка зрения состоит в том, что цифровое неравенство существует, а попытки игнорирования его являются не чем иным как манипуляцией, средством затушевывания реалий, которые осуществляются с целью скрыть его масштабы. Более того, по нашему убеждению, так было всегда, то есть и тогда, когда актуальными были иными формы неравенства.

Особенно явно наличие информационного неравенства показала охватившая весь

[2] Всемирный Банк. Годовой отчет 2019. Ликвидация бедности, инвестиции в создание возможностей [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report#anchor-annual (дата обращения 15.06.2020).

мир пандемия коронавируса COVID-19. Как это ни парадоксально прозвучит, но даже, казалось, ведущие в социально-экономическом и техническом отношении страны столкнулись с немалыми проблемами, когда оказалось необходимым перейти на онлайн-обучение. Причем перейти достаточно надолго. В середине апреля, когда казалось, что уже достигнут пик пандемии в США, сообщается, что подавляющее большинство учебных заведений в этой стране закрыто на карантин из-за пандемии коронавируса COVID-19, и занятия в них проводятся дистанционно. Однако, по словам учителей, больше половины учеников пропускают удалённые занятия, пишет газета The New York Times. Особенно заметно было отсутствие учеников в школах, где в основном учатся дети из семей с низким уровнем дохода – у них могут попросту отсутствовать персональные компьютеры и доступ к Интернету. Учителя отмечают, что некоторые учащиеся и их родители полностью прекратили все контакты со школой. Это вызывает обеспокоенность среди преподавателей, поскольку из-за низкой успеваемости в школах могут объявить о проведении дополнительных занятий летом. Так сообщалось, что в Лос-Анджелесе около 15 тысяч школьников вообще не посещают онлайн-занятия, и ещё 40 тысяч регулярно их пропускают. Это около трети всех учеников в городе. Подобные проблемы стоят также перед школами в сельской местности, поскольку многие из учащихся живут в отдалённых районах, не обслуживаемых Интернет-провайдерами. В Кливленде после закрытия школ учителя попытались первыми в стране перевести обучение в онлайн-режим, но первоначально им удалось привлечь к «удалёнке» только 60 % учеников и их семей, впоследствии же это число достигло 87 %, что, впрочем, тоже не идеальный результат, говорит директор Совета школ Кливленда Эрик Гордон. Учащаяся средней школы в Нью-Йорке Титилайо Алуко рассказала газете, что не может беспрепятственно продолжать обучение онлайн. У неё есть ноутбук, выданный органами власти, однако у неё дома в Бронксе нет Wi-Fi, поскольку семья не может оплачивать Интернет. Для некоторых занятий Алуко использует смартфон, чтобы участвовать в видеоконференциях и высылать сделанные домашние задания, однако, зачастую этого недостаточно. «Мне нужен контакт с учителями, которые меня знают и могут помочь, если у меня будут проблемы. Сейчас я боюсь за своё будущее», – говорит Алуко. Можно обратить внимание, что речь идет даже не об американской глубинке, а о крупнейшем городе США (Тернавский, 2020).

Пандемия выявила немало проблем и в России. Так, информационная инфраструктура многих вузов оказалась не готовой к переходу учебного процесса в онлайн во время эпидемии коронавируса в стране. Об этом заявлял министр науки и высшего образования Валерий Фальков. Трансляцию вел телеканал РБК. «Сыграло свою роль несовершенство национальных цифровых платформ и сервисов организации образовательной деятельности в дистанционном формате», – пояснил он. На сегодняшний день на ресурсе «Современная цифровая образовательная среда» существует всего 900 открытых курсов, что закрыло лишь 7 % потребностей вузов России, – отмечал министр (Фальков, 2020).

В России не откажутся от дистанционного обучения, так как оно позволяет учиться тем, кто не имеют возможности ходить в школу, сократить бюрократию для педагогов и обеспечить школы высокоскоростным Интернетом. Об этом заявил министр просвещения Сергей Кравцов. По его словам, эксперимент по внедрению модели Цифровой образовательной среды (ЦОС), который начнется с сентября в 14 регионах, не станет заменой очному обучению, пишет «Российская газета». «Речь идет не о замене одного вида обучения (очного) другим, дистанционным, а о возможностях использования в очном образовательном процессе некоторых элементов цифровых программ», – пояснил Кравцов. Он уточнил, что ЦОС внедряется в рамках нацпроекта «Образование» и призван сделать школу в техническом оснащении «современной» с высокой скоростью Интернет-соединения, локальных сетей, установкой компьютеров и обеспечением планшетами. По словам министра, к 2024 году ЦОС станет хорошим дополнением к традиционным урокам по всей стране. «Например, во

время всплесков сезонной заболеваемости для учащихся, по болезни оставшихся дома. Или для ребят, которые находятся на длительном лечении в стационарах», – считает Кравцов.

Губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов обратился к жителям с просьбой помочь компьютерной техникой малообеспеченным и многодетным семьям и школьникам. По его словам, в городе 507 тысяч учеников, из которых почти 17 тысяч не имеют дома компьютерной техники и выхода в Интернет. Пока общественные организации, представители бизнеса и частные лица смогли передать петербургским школьникам около 5 тысяч ноутбуков и планшетов. В Ярославском департаменте образования в начале апреля отмечали, что 5 процентов школьников области вообще не имеют какой-либо возможности осуществлять онлайн-обучение. Школы также оказались не готовы к этому. Его предлагают заменить методичками и телеуроками (Миронова, 2020).

Разумеется, к отдельным, пусть даже очень показательным примерам, нельзя свести проблему качественного онлайн-образования. Но вот что утверждает статистика. По данным Росстата, на конец 2019 года в городской местности 79,9 % домохозяйств имели доступ к Интернет сети, а в сельской местности – 67,7 %, показатели широкодоступного еще ниже, соответственно 77,7 и 60,9 %[3].

Далеко неслучайно «вопросом жизни и смерти» назвал Генеральный секретарь ООН необходимость сократить цифровой разрыв, который в условиях пандемии лишает множество людей возможности получить жизненно важную информацию о COVID-19. Антониу Гутерриш выступил на тематическом заседании Генеральной Ассамблеи, посвященном роли новых технологий в достижении целей устойчивого развития. «COVID-19 не только не отвлек наше внимание от настоятельной потребности в цифровом сотрудничестве, он высветил его чрезвычайную важность и продемонстрировал взаимосвязанный характер стоящих перед нами проблем», – отметил глава ООН. Он подчеркнул, что цифровые технологии стали ключевым компонентом практически во всех областях, связанных с пандемией. Это и разработка вакцины, и онлайн-обучение, и удаленная работа, и электронная торговля. Но в свете существующего разрыва между теми, кто имеет доступ к Интернету, и теми, кто его лишен, Антониу Гутерриш опасается, что «цифровой разрыв» станет «новым лицом неравенства». По словам главы ООН, мы пока не можем полностью осознать, какими будут социальные последствия пандемии для мира «после COVID-19». «Ясно одно: в ходе восстановления цифровые технологии будут важны как никогда раньше», – заявил Гутерриш. Это означает, что те, кто не имеет к ним доступа, будет отставать все больше и больше. «Мы не сможем в полной мере воспользоваться преимуществами цифровой эры, не заполнив существующие пробелы и не сведя к минимуму ее возможные минусы», – подчеркнул Генсек и добавил, что сделать это можно только при условии координации усилий на международном уровне (Гутерриш, 2020). Его беспокойство разделяет и Председатель Генеральной Ассамблеи Тиджани Мухаммад-Банде, который считает, что стремительное развитие цифровых технологий может только углубить уже существующее неравенство в том, что касается доступа к Интернету. По его словам, от уровня цифровой грамотности, «которая уже стала определяющей чертой нынешнего столетия», будет зависеть, насколько общество сможет справиться с грядущими вызовами: от прав человека до изменения климата. Фактически речь идет о достижении всех 17 целей устойчивого развития, включая ликвидацию бедности и обеспечения всеобщего качественного образования.

Выводы

С момента начала пандемии и перехода на удаленный режим работы организаций, учреждений, учебных заведений прошло немного времени, но многим удалось не только достаточно быстро адаптироваться к такой ситуации, но и обеспечить определенный прогресс в своей деятельности. Достаточно

[3] Россия в цифрах. 2020: Крат.стат.сб./Росстат- М., Р76 2020. 550 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/12993 (дата обращения 10.06.2020).

сказать, что некоторые организации и фирмы, например, Интернет-торговля оказались даже в выигрышном положении, на деле продемонстрировали свои преимущества, смогли увеличить прибыль. А те, кто раньше не обращался к услугам таких фирм, вольно или невольно пришли к пониманию важности их распространения. Более того, режим онлайн своеобразно актуализировал многие проблемы и цифровой экономики, и цифрового образования, зримо продемонстрировал реальные масштабы неравенства как в отдельных обществах, так и мировом сообществе в целом. Теперь необходимо все более активное использование передовых технологий, чтобы в полной мере обеспечить дальнейшее развитие цифровой сферы всей социальной жизни, всех практик, постепенно, но неуклонно преодолевать информационное неравенство.

Библиографический список / References

Астратова Г.В., Бурнашева Е.П., Шуплецова В.С. и др. Информационный капитал и его оценка [Электронный ресурс]. URL: http://www.kpilib.ru/article.php: text Information capital (дата обращения 30.06.2020).
Astratova G.V., Burnasheva E.P., Shupletsova V.S. i dr. (2020) Information capital and its assessment. Available from: http://www.kpilib.ru/article.php: text Information capital (Accessed 30th June 2020). (In Russ.)

Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №. 5. С. 60–74.
Burd'e P. (2002) Forms of capital. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (In Russ.)

Гутерриш А. Не сократив цифровое неравенство, мир не сможет достичь целей устойчивого развития. Цели в области устойчивого развития. 11 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/06/1379942 (дата обращения 03.07.2020).
Guterrish A. (2020) Without reducing the digital divide, the world will not be able to achieve the sustainable development goals. Sustainable Development Goals. June 11, 2020. Available from: https://news.un.org/ru/ story/2020/06/1379942 (Accessed 03th July 2020). (In Russ.)

Калинина Н.Т. В Минпросвещения пояснили, зачем сохраняют дистанционное обучение. [Электронный ресурс]. URL: https://ura.news/news/1052438957 (дата обращения 30.06.2020).
Kalinina N.T. (2020) The Ministry of Education explained why they keep distance learning. Available from: https://ura.news/news/1052438957 (Accessed 30th June 2020). (In Russ.)

Калустян Д.К. Крупнейшие приобретения в сфере ИКТ в начале 2014 года // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2014. № 1.
Kalustyan D.K. (2014) The largest acquisitions in the field of ICT in early 2014. *Byulleten' inostrannoi kommercheskoi informatsii = Bulletin of Foreign Commercial Information.* No. 1. (In Russ.)

Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социалогические исследования. 2009. № 3. С. 57– 67.
Krivosheev V.V. (2009) Short social projects: manifestation of anomie in modern society. *Sotsialogicheskie issledovaniya = Sociological Studies.* No. 3. P. 57– 67. (In Russ.)

Лактионов А.А. Информационное общество. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004.
Laktionov A.A. (2004) Information society. Moscow: OOO Izdatel'stvo AST. (In Russ.)

Миронова К.А. Сообщают «Открытые медиа» [Электронный ресурс]. URL: https://openmedia.io/news/n3/shkoly-okazalis-ne-gotovy-k-dlitelnomu-obucheniyu-onlajn-ego-predlagayut-zamenit-metodichkami-i-teleurokami/ (дата обращения 03.07.2020).
Mironova K.A. (2020) “Open Media” reports. Available from: https://openmedia.io/news/n3/shkoly-okazalis-ne-gotovy-k-dlitelnomu-obucheniyu-onlajn-ego-predlagayut-zamenit-metodichkami-i-teleurokami/ (Accessed 03th July 2020). (In Russ.)

Михнева С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Инновации. 2003. № 1.
Mikhneva S.G. (2003) Economy intellectualization: innovative production and human capital. *Innovatsii = Innovations.* No. 1. (In Russ.)

Стрелец И.А. Новая экономика и информационные технологии. Москва: «ЕГЭ», 2003.
Strelets I.A. (2003) New economy and information technology. Moscow: Exam. (In Russ.)

Тернавский А.Д. Более половины учеников в США отсутствуют на онлайн-занятиях [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/news/t/496306/ (дата обращения 30.06.2020).
Ternavskii A.D. (2020) More than half of students in the United States are absent from online classes. Available from: https://habr.com/ru/news/t/496306/ (Accessed 30th June 2020). (In Russ.)

Фальков В.Н. Минобрнауки заявило о неготовой к онлайн-обучению инфраструктуре вузов [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ec66e6e9a7947b77d570333 (дата обращения 03.07.2020).
Fal'kov V.N. (2020) The Ministry of Education and Science announced that the infrastructure of universities is not ready for online learning. Available from: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ec66e6e9a7947b77d570333 (Accessed 03th July 2020).

Busko M. (2009). Cell phone crazy: anxiety linked with increased cell-phone dependence, abuse. [Электронный ресурс]. URL: http://cellphonecrazytech.blogspot.com/ 2009/08/effort-linked-withincreased-cell.html (дата обращения 17.06.2020).
Busko M. (2009). Cell phone crazy: anxiety linked with increased cell-phone dependence, abuse. Available from: http://cellphonecrazytech.blogspot.com/ 2009/08/effort-linked-withincreased-cell.html (Accessed 17th June 2020).

Chen W., Wellman B. The Global Digital Divide Within and Between Countries . [Электронный ресурс]. URL: // www.ITandSociety.org (дата обращения 07.07.2020).
Chen W., Wellman B. (2020) The Global Digital Divide Within and Between Countries. Available from: // www.ITandSociety.org (Accessed 07th July 2020).

Global digital divide "narrowing " (2020). Available from: URL: // http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/4296919.stm (дата обращения 20.06.2020).
Global digital divide "narrowing " (2020) Available from: URL: // http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/4296919.stm (Accessed 20th June 2020).
Shapiro C., Varian H. Information Rules: a Strategic Guide to the Network Economy. Boston, Mass.: Harvard Business School Press, 1999. [Электронный ресурс]. URL: //lib.mexmat.ru/books/59593 (дата обращения 03.06.2020).

Shapiro C., Varian H. (1999) Information Rules: a Strategic Guide to the Network Economy. Boston, Mass.: Harvard Business School Press. Available from: //lib.mexmat.ru/books/59593 (Accessed 03th June 2020).

Turkle S. (2011) Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2011. P. 143.
Turkle S. (2011) Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books. P. 143.

Критерии авторства

Кривошеев В.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Krivosheev V.V. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Сведения об авторе

Кривошеев Владимир Вениаминович, профессор, доктор социологических наук, доцент, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14, Россия,
✉ e-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Information about the author

Vladimir V. Krivosheev, Dr. Sci. (Sociological Sciences), Professor, Associate Professor of Institute of Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky Street, Kaliningrad, 236016, Russia,
✉ e-mail: VKrivosheev@kantiana.ru